

МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ II И ОСМЫСЛЕНИЕ ОРДЫНСКОГО ИГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА

Разорительное нашествие монгольских орд на Русь в 30-е годы XIII века, неизменная успешность их военных предприятий, утверждение ханского господства над Русскими землями – все эти необычайные и горестные события настоятельно требовали от современников осмысления и объяснения. Любому укorenившемуся в вере человеку было понятно, что погибель Русской земли попущена Богом «за грехы наша». Однако ясность причины трагедии еще не приближала к ответу на животрепещущие вопросы времени: наступают ли уже последние дни мира или Господь все еще долготерпит, есть ли надежда на избавление Руси от ярма «безбожных», как жить под их властью, сопротивляться ей или нет? От ответа на эти и подобные вопросы зависело религиозное самоощущение древнерусского человека и в конечном счете душевный настрой всего общества. Без ответа на них невозможно было и отыскать аргументы для оправдания политики того или иного князя, избравшего стезю сопротивления монгольским ханам или же подчинения им.

Средневековый книжный подход к осмыслению случившегося предполагал поиск исторических (желательно библейских) аналогий. Этот метод познания действительности основывался на убеждении, что события, описанные в книгах Библии и в некоторых авторитетных исторических сочинениях, имеют универсальную архитипическую значимость и впоследствии как бы повторяются в иных исторических условиях (по «принципу эха»¹), сохраняя при этом свой имманентный провиденциальный смысл. Распознать в произошедшем отражение преждебывшего значило понять само существо события. «Библия, можно сказать, служила моделью восприятия мира, она задавала парадигму его прочтения: соотнесение с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего»². Впрочем, такое соотнесение проводилось обычно с большой осторожностью, что, без сомнения, было вызвано страхом проявить недопустимую дерзость пред лицом Того, Чьи дела во всей их Божественной полноте оставались непостижимы для человеческого разума³. Человек мог лишь догадываться о подлинном смысле событий, и Библия была тут ему верным подспорьем. Именно так, не торопясь и с оглядкой, по пути соотнесения событий последних десятилетий с библейскими событиями и отправились в середине XIII века некоторые древнерусские книжники, размышлявшие над провиденциальным смыслом нашествия «безбожных».

Хорошо известно, что источники второй половины XIII века скупы на оценки постигшей Русь трагедии. Эта скупость подтолкнула многих исследователей к выводу, что в рамках XIII века «еще не сформировалась книжно-легендарная парадигма ига», «связанная концепция ига»⁴, или что у русских книжников не нашлось «философских средств» для объяснения ига и они всецело остались в рамках той концептуальной схемы отношения с иноплеменниками, которая была выработана еще в Киевской Руси⁵. Вывод этот представляется неверным. Несмотря на то, что в основу восприятия нашествия монголо-татар легли традиционные для домонгольского времени представления о степных недругах Руси⁶, в целом ряде литературных памятников середины и второй половины XIII века нашел свое отражение процесс постепенной коррекции этих представ-

¹ Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 68-71.

² Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 5.

³ Такой же сдержанностью отличался подход древнерусских книжников и к оценке различных явлений, воспринимавшихся в качестве знамений Божьих (см.: Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI-XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 37-58).

⁴ Лившиц Л. И., Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Приложения // Фенелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М., 1989. С. 270.

⁵ См.: Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde. Indiana University Press, Bloomington, 1985. P. 8, 61-68.

⁶ См.: Chekin L. S. The Godless Ismaelites: The Image of the Steppe in Eleventh-Thirteenth Century Rus // Russian History/Russe Histoire. Vol. 19. Nos. 1-4. 1994. P. 9-28; Лаушкин А. В. Провиденциальная концепция взаимоотношений Руси и Степи в древнерусском летописании XI-XIII вв. // Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее Новое время. М., 1998. С. 75-77; Гарькавый И. В. «Измаильтяне» или «нечистые люди»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 87-89.

лений, что привело к возникновению своеобразной идеологии «ордынского плена»⁷. И хотя книжники той горькой поры предпочитали язык намеков и иносказаний, он становится понятным при внимательном отношении к источникам.

Человеку, знакомому с Библией, все случившееся с Русью не могло не напомнить историю гибели Иудейского царства – один из центральных эпизодов Ветхого Завета, описанный сразу в нескольких библейских книгах (Книгах пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Четвертой книге Царств и др.). История эта была такова. Жители Иудеи стали все чаще забывать Бога и отступать от Него. Для вразумления своих людей Бог отверзал уста пророкам и посылал на землю Иудеи тяжелые бедствия, однако это не поколебало «жестоковыйный» народ в его нечестии. Тогда чаша терпения Господня переполнилась и евреи были преданы в руки суровому язычнику вавилонскому царю Навуходоносору и должны были служить ему «и сыну его, и сыну сына его, дондеже придет время земли его» (Иер 27:7). Через своих пророков Бог грозно потребовал от наказанного народа не бежать от заслуженной кары и не сопротивляться власти Навуходоносора, но при этом заповедал твердо хранить отеческую веру. Сохранение веры в «вавилонском плену» было тем условием, при выполнении которого Господь обещал в будущем не только избавить свой народ от рабства, но и жестоко наказать его поработителей. Таким образом, в Ветхом Завете в готовом виде содержалась своеобразная «идеология выживания» в условиях иноземного владычества, важнейшей чертой которой был исторический оптимизм – надежда на грядущее спасение.

Ветхозаветная «идеология выживания» как нельзя лучше подходила для объяснения политики тех князей, которые сознательно пошли на подчинение ханам, желая оградить Русь от новых набегов и тем самым создать условия для будущей борьбы с ними, но при этом твердо встали на пути католической экспансии, угрожавшей вере отцов и дедов. У основ этой дальновидной «политики выживания»⁸ стояли правители, которых невозможно было заподозрить в личной трусости или политическом малодушии, – великие князья Ярослав Всеволодыч и его сын Александр Невский. Главным элементом идеологии «плена» являлась вера в то, что гнев Господень есть свидетельство избранности наказанного народа, проявление заботы Бога о его спасении. В ситуации, когда борьба с Ордой была еще невозможна, эта вера помогала пережить унижение и тяготы иноплеменного владычества. В свете этой веры, подкрепленной словами и делами пророков Божьих, подчинение и даже служба «царю неправедну», «лукавейшу паче всея земли» (Дан 3:32) представлялись прежде всего средством доказать свое смирение пред лицом карающего Владыки. Следование указанному Библией пути к избавлению от рук иноплеменников – через хранение и упрочение веры – было в условиях политического дробления и разрухи середины XIII века необходимо для сохранения этнокультурного единства Руси и залогом будущего освобождения.

В смысловом и географическом плане «вавилонская» идеология имела помимо Иудеи и Вавилона еще и третий элемент – Египет. Ветхозаветные пророки не уставали повторять, что особо тяжкий грех совершат те, кто захочет убежать от власти Навуходоносора в чужую землю. Такой землей для многих иудеев стал Египет – враг Вавилона, который, казалось, мог спасти побежденный народ от ярма победителей. Однако, говорил Господь, «помощь Египта будет тщетна и напрасна» (Ис 30:7). Нахождение под властью фараонов не спасет иудеев от Божьего гнева (напротив, он усилится) и при этом приведет их к дальнейшему вероотступничеству, отдалит час избавления (Иер 42-44 и др.). «Вот, ты думаешь опереться на Египет, эту трость надломленную, которая, если кто опрется на нее, войдет ему в руку и проколет ее» (4 Цар 18:21). Таким образом, бегство – это не только проявление непослушания, но и путь к потере веры, сохранение которой, как говорилось выше, – главное условие прощения наказанного народа. Такова библейская схема.

Своим «Египтом» для Руси в середине XIII века стала католическая Европа. Надежда на ее помощь, которой в середине века был окрылен князь Даниил Галицкий, как скоро выяснилось, была «тщетна и напрасна». Едва не ступивший на путь унии, принявший из рук папы Иннокентия IV королевскую корону галицкий князь так и не смог дожидаться обещанной помощи и освободиться от власти Орды. Католический Запад оказался «тростью надломленной». Рим в лице папы Иннокентия IV искал контактов с монголами, желая использовать их могущество в собственных целях. Продолжались попытки крестоносцев продвинуться в Русские земли из Прибалтики. Угроза, исходящая оттуда, была не только военной, но и конфессиональной. Уже с рубежа 20-30-х годов XIII века папский престол начал утверждать и поощрять в Европе мысль о православных жителях Руси как о «неверных» и «врагах Бога и католической веры». В дальнейшем антиправославная деятель-

⁷ О развитии этой идеологии в XIV-XV веков см.: *Борисов Н. С.* Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV в. М., 1999. С. 30-43.

⁸ *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.). М., 1960. С. 304-307.

ность Рима только усиливалась, не прекращаясь даже в 40-50-е годы – во время тесных контактов курии с некоторыми русскими князьями⁹. Библейская трехэлементная конструкция «плена» (Вавилон – Иудея – Египет) должна была стать в середине XIII века актуальной в полном своем объеме (Орда – Русь – Рим).

В каких же источниках середины – второй половины XIII века можно отыскать фрагменты этой идеологии?

Наиболее отчетливо обращение книжников XIII века к библейской «концепции выживания» обнаруживается в Сказаниях об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. В пространной редакции памятника автор не только использует ее основные элементы (что характеризует и краткую редакцию), но и привлекает для рассказа о событиях, предшествовавших смерти мучеников, текст 3-й главы Книги пророка Даниила. В этой главе Даниил рассказывает историю трех иудейских отроков, которые честно служили царю Навуходоносору, однако ради сохранения своей веры были готовы послушаться царя и принять мучительную казнь. Именно так поступил и князь, признавший власть хана законной, но отказавшийся поклониться языческим божествам¹⁰. Памятником того же идейного круга является и «Житие» Александра Невского, где власть Батыя признается установленной Богом¹¹.

Недвусмысленно «вавилонские» мотивы звучат в «Правиле Кюрила, митрополита руськаго», в котором состояние плененной Руси изображается образами, навеянными книгами пророков Иеремии и Иезекииля: «Не расея ли ны Бог по лицу всея земля? Не взяти ли быша грады наши? Не падоша ли сильнии наши князи остриемь меча? Не поведени ли быша в плен чада наша? Не запустеша ли святыя Божия церкви? Не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган?»¹² (ср.: Иер 21:7; 48:46; Пс 1:13; Иез 34:5-6 и др.). Аналогичные мотивы легко различаются и в «Словах» Серапиона, епископа Владимирского (1274-1275 годы)¹³. Эти памятники проповеднического красноречия XIII века также ориентированы на пламенные речи пророков, переживших пленение Иудеи. Иноплеменное иго («горкая... работа от иноплеменник») рассматривается епископом как заслуженное наказание Божие, избавиться от которого можно лишь на путях очищения от греха и преодоления маловерия¹⁴.

Наконец, интересующие нас параллели отыскиваются и в некоторых летописных текстах XIII века. К числу этих текстов относится первая часть рассказа Лаврентьевской летописи о «Неврюевой рати» 1252 года¹⁵, в которой можно увидеть прикровенное сравнение князя Андрея Ярославича с последним царем Иудеи Седекией¹⁶. Более ясно отсылка к идеологии «вавилонского плена» звучит в некрологе князя Глеба Васильковича Ростовского († 1278), сохранившемся в Симеоновской летописи, которая на этом участке содержит весьма ранние тексты¹⁷. Летописец, перефразируя слова пророка Иеремии (см.: Иер 21:12; 22:3), хвалит князя за то, что он, смирившись перед орудием Божьего гнева, сохранил твердую веру и совершил много добра своим людям: «от уности своя, по нахождении поганых татар и по пленении от них Русския земля, нача служити им и многи христианы, обидимыя от нихъ, избави и печалныя утешая, брашно свое и питие нещадно требующим подавая, и многу милостню нищимъ, убогимъ, сиротамъ, вдовицамъ, маломощным подаваше... и церкви многи създа и украси иконами и книгами»¹⁸. Ростовское происхождение этого текста неслучайно. Идеология «ордынского плена» пустила в Ростове глубокие корни. Ростовские князья Васильковичи были близки к великому князю Александру Ярославичу, поддерживали проводившуюся им «восточную» полити-

⁹ См.: Рамм Б. Я. Папство и Русь в X-XV веках. М.; Л., 1959. С. 128, 146-155; Флоря Б. Н. У истоков конфессионального раскола славянского мира (Древняя Русь и ее западные соседи в XIII в.) // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С. 38-44; Он же. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) // Исторический вестник. 2001. № 1 (12). С. 126-133, 139.

¹⁰ См.: Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 6. С. 3-25.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). XIII век. М., 1981. С. 434.

¹² Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1908. Т. 6. Стб. 86.

¹³ См.: ПЛДР. XIII век. С. 440-454.

¹⁴ См.: Топоров В. Н. Святые и святость в русской духовной культуре. М., 1998. Т. 2. С. 252, 254.

¹⁵ См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1962. Т. 1. Стб. 473.

¹⁶ См.: Лаушкин А. В. Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 26-29.

¹⁷ По заключению М. Д. Приселкова, Симеоновская летопись передает здесь текст Троицкой, которая, в свою очередь, очень близка к Лаврентьевской (своду 1305 года), имеющей лауну за 1263-1283 годы (см.: Приселков М. Д. История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996. С. 151-154; Он же. «Летописецъ» 1305 г. // Века. Пг., 1924. Т. 1. С. 30; Он же. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий // Ученые записки ЛГПИ. 1939. Т. 19. С. 192, 195).

¹⁸ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 76.

ку, которая предполагала мирные отношения с Ордой¹⁹. Утвердившийся в историографии взгляд на них как на «ханских угодников», предателей интересов Руси²⁰, не находит подтверждения в источниках²¹. Тихая культурная работа, не прервавшаяся в первые десятилетия монгольского владычества в Ростове (в отличие от многих других городов) была оживотворена идеей духовного противостояния чужеземному игу и позволила сохранить и даже приумножить многое из того, что было накоплено в Залесской Руси в домонгольское время. Показательно, что церковное почитание памяти князя-мученика Михаила Черниговского с «вавилонской» и одновременно антиордынской окраской этого культа²² началось в третьей четверти XIII века (при князьях Борисе и Глебе Васильковичах и их матери Марии) именно в Ростове²³.

Таким образом, даже в литературной традиции второй половины XIII века, на редкость плохо сохранившейся, отыскивается ряд текстов, содержащих отдельные элементы интересующей нас идеологии. Большинство этих текстов имеет прямое или косвенное отношение к митрополиту Кириллу II, возглавлявшему Русскую Церковь с 40-х годов XIII века и до своей кончины в 1280 году.

Именно в правление Кирилла формируется культ святого Михаила Черниговского, что (еще и в силу его явного политического звучания) не могло обойтись без одобрения и благословения главы Русской Церкви. Не исключено даже, что в прежние годы Кирилл имел касательство к составлению первых записей о подвиге этого святого²⁴.

Как полагают многие исследователи, с Кириллом было связано появление «Жития» Александра Невского²⁵. Покинув Южную Русь в момент активного развития контактов между Римом и Даниилом Галицким (коронован папой в 1253 году), Кирилл связал свою дальнейшую судьбу с Александром Ярославичем, сторонником антилатинской ориентации²⁶. Неоспоримо то расположение, которое многократно выражал митрополит к князю. Он участвовал в возведении Александра на великокняжеский стол во Владимире в 1252 году, неоднократно встречался с ним, сам хоронил его и произнес на похоронах ставшие знаменитыми слова: «Чада моя, разумеите, уже заиде солнце земли Суздальской!»²⁷

Является очевидной принадлежность Кириллу или его окружению вступления к соборному «Правилу», выдержка из которого была приведена выше.

Без сомнения, был близок к Кириллу Серапион Владимирский, переехавший во Владимир и ставший епископом по его воле. На единомыслие архиереев указывают почти что текстологические совпадения между процитированным фрагментом «Правил» и 2-м «Словом» Серапиона²⁸. Есть между памятниками и смысловые совпадения в изображении недостатков церковной жизни (например, языческих пережитков). Видимо, эти совпадения отразили участие Серапиона в подготовке итоговых документов Собора 1273 (или 1274) года, на котором названное «Правило» и было принято²⁹.

¹⁹ См.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV-XVI вв. М.; Л., 1951. С. 16-19; *Борисов Н. С.* Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238-1300) // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1976. № 6. С. 68.

²⁰ См.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 59.

²¹ См.: *Лаушкин А. В.* К истории возникновения... С. 10-12.

²² См.: там же. С. 13-14.

²³ См.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Приложения. С. 51.

²⁴ См.: *Ставиский В. И.* «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 год. М., 1991. С. 197-203.

²⁵ См.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 266-267; *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. С. 58-59; *Ужанков А. Н.* Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли» (К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Житию Александра Невского») // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 118-125.

²⁶ См.: *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 265; *Fubrmann J. T.* Metropolitan Cyril II (1242-1281) and the Politics of Accommodation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 24 (1976). H. 2. S. 166.

²⁷ ПЛДР. XIII век. С. 438.

²⁸ См.: *Гудзий Н. К.* Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. М., 1952. Т. XI. Вып. 5. С. 455.

²⁹ См.: *Колобанов В. А.* К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 442-445.

Происхождение летописного отрывка о Неврюевой рати установить невозможно, однако не исключено, что этот текст мог принадлежать к краткому митрополичьему летописанию Кирилла II, о существовании которого писал М. Д. Приселков³⁰.

Что касается некролога Глебу Васильковичу, он возник под пером ростовского княжеского летописца³¹. При этом заслуживает внимания следующее обстоятельство. Спустя девять недель после смерти князя по приказу местного епископа Игнатия (и, без сомнения, с ведома нового ростовского князя Дмитрия Борисовича) останки Глеба были «изринуты» из княжеской усыпальницы в Успенском соборе и перезахоронены в одном из городских монастырей. Очевидно, что перезахоронение имело политический смысл³². Кирилл II не остался равнодушен к этому происшествию. Он сурово наказал епископа за самоуправство, отлучив его от службы. Игнатий получил прощение только после ходатайства князя Дмитрия, причем митрополит заповедал ему каяться в совершенном грехе «до своей смерти; осудил бо еси мертвеца, прежде суда Божия, а жива постыдяся, дары емля от него»³³. Решимость, с которой престарелый митрополит встал на защиту умершего князя, позволяет видеть в нем человека, симпатизировавшего покойному. Это доброе отношение к Глебу роднит митрополита с книжником, который составил посмертную похвалу князю.

Таким образом, есть основания предполагать, что в центре формирования идеологии «ордынского плена» стоял именно митрополит Кирилл II. Иерарх книжный и ревностный, много потрудившийся для укрепления благочестия в Русской земле, он сделал сознательный выбор в пользу той политики, которую проводил Александр Невский.

Ориентация на библейскую «концепцию выживания» просматривается не только в идеологической, но и в практической деятельности владыки. В полном соответствии с заповедями ветхозаветных пророков, он прилагал немалые усилия для очищения и упрочения веры в подчиненных ему землях. Активность Кирилла на этом поприще заметно выделяет его из череды прежних предстоятелей Русской Церкви. Митрополит постоянно объезжал свою митрополию, «учяше, наказуаше, исправляше»³⁴. Для духовного окормления тех чад Церкви, которые по какой-либо причине оказались в Орде, он в 1261 году учредил особую Сарайскую епархию. Прошедший по его инициативе церковный Собор 1273 (или 1274) года осудил наиболее тяжкие нестроения внутри Церкви (симонию, пьянство священников, нарушения в порядке богослужений, бытование языческих обычаев и др.) и принял необходимые решения для их преодоления. Особый размах имела деятельность Кирилла по исправлению и распространению норм канонического права, регулирующих церковную и повседневную жизнь верующих. Именно за неисполнение этих норм («зана не храним правил святых наших и преподобных Отец») Бог, по убеждению митрополита, и покарал Русскую землю владычеством «безбожных и нечистых поган»³⁵. По запросу Кирилла из Болгарии был прислан новый сборник канонических правил – так называемая Сербская кормчая, содержащая по сравнению с бытовавшим на Руси с XI века переводом Номоканона XIV титулов³⁶ более ясные и снабженные комментариями переводы правил. Памятник сразу же начал расходиться в списках. Уже через несколько лет после получения Сербской кормчей митрополит инициирует создание еще одного сборника канонических установлений, на сей раз специально ориентированного на русские реалии, – так называемой Русской редакции кормчей. В нее вошли тексты древнего перевода Номоканона XIV титулов и Сербской кормчей, а также некоторые дополнительные (в том числе и русские по происхождению) статьи. Новый сборник явился плодом тщательной редакционной работы его составителей (к числу которых, видимо, относился сам митрополит) и впоследствии из-за своей четкости и полноты стал особенно популярен на Руси³⁷. По поручению митрополита выяснением канонических вопросов занимался также ездивший к патриарху сарайский епископ Феогност³⁸. Кроме того, Кириллу

³⁰ См.: Приселков М. Д. Указ. соч. С. 148-149; Лаушкин А. В. Идеология «ордынского плена»... С. 29-30.

³¹ О редактировании ростовской летописи при князе Глебе Васильковиче см.: Лаушкин А. В. Малоизученный эпизод ростовского летописания второй половины XIII в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов (в печати).

³² См.: Пресняков А. В. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 350. Примеч. 125.

³³ ПСРЛ. Т. 18. С. 77.

³⁴ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 157.

³⁵ РИБ. Т. 6. Стб. 86.

³⁶ В зависимости от решения вопроса о месте выполнения этого перевода данный памятник канонического права определяется в литературе как «Древнеславянская кормчая» (Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978.) или как «древнейшая Кормчая Русской редакции» (Милов Л. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5. С. 105-123).

³⁷ См.: Щапов Я. Н. Указ. соч. С. 139-209.

³⁸ См.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1900. С. 78-80.

приписываются некоторые статьи в новой редакции юридического сборника Мерило Праведное³⁹. Эта бурная работа по восстановлению и обновлению церковного законодательства была, без сомнения, опосредованно связана с установлением иноплеменного ига⁴⁰ и представляла собой форму религиозно-нравственного противостояния ему.

Болгарский князь Иаков-Святослав († 1273) называл митрополита Кирилла «Богом избранным пастырем» и «учителем... всеи Руси»⁴¹. Справедливость этих слов вряд ли подлежит сомнению. В горестное время, когда, по выражению летописца, «на хрестьяньске роде страх и колебанье, и беда упространися»⁴², Кирилл повел свою паству по непростому пути внутренней борьбы, пути «строения душ и сердец», единственному пути, который вел Русские земли к грядущему избавлению от власти иноплеменников. Без духовного очищения и сосредоточения «хрестьяньского рода» нельзя было не только заслужить прощение Всевышнего, но и решиться на открытую борьбу с поработителями. Митрополит хорошо понимал это. Даже то небольшое, что известно о нем, позволяет согласиться с мнением Е. Е. Голубинского, отводившего Кириллу II «среди других высших пастырей нашей Церкви» «одно из выдающихся мест»⁴³.

³⁹ См.: *Творогов О. В.* Кирилл // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1987. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) С. 226.

⁴⁰ См.: *Тихомиров М. Н.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // *Вестник истории мировой культуры*. 1957. № 3. С. 8-9.

⁴¹ Цит. по: *Щапов Я. Н.* Указ соч. С. 141.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

⁴³ *Голубинский Е. Е.* Указ соч. С. 89. Противоположного мнения придерживался Пл. Соколов (см.: *Соколов Пл.* Русский архиепией из Византии и право его назначения до начала XVI в. Киев, 1913. С. 159-192).